

Д.А. Лунгина

Казус А.П. Адлера и границы религиозного сообщения у Керкегора

Лунгина Дарья Андреевна – кандидат философских наук, доцент. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119234, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4; email: loungina@yandex.ru

Произошедшее с пастором Адольфом Петером Адлером между 1842 и 1845 гг. стало для Керкегора поводом для развития собственной теории сообщения. Этому он посвятил, в частности, «Книгу об Адлере», оставшуюся неопубликованной, и статью «О различии между гением и апостолом» (опубл. 1849), в которую вошли главные тезисы книги. Керкегор не только пересмотрел различие между прямым и непрямым сообщением, практиковавшееся до 1846 г. После случая с Адлером проблема встала иначе: слово безответственное и слово авторитетное – в чем сущностное различие между ними? Если христианство – религия трансцендентного, получает ли религиозная речь особый статус оттого, что претендует на безусловную авторитетность? Каков в таком случае предмет религиозного сообщения – в отличие от эстетического, философского или естественно-научного? Ища ответы на эти вопросы, после 1846 г. Керкегор ввел в рамки своего понимания христианства (и «субъективности») нового субъекта речи. Задачей этого «автора» стало разделить неразделимое, раскрыть пастве тайну Откровения, повести за собой людей. Различие между так понятым «апостолом» и «гением», т. е. говорящим безавторитетно, стало важной темой позднего Керкегора.

Ключевые слова: границы речи, религиозное сообщение, авторитетное и безавторитетное высказывание, внутреннее отношение, субъективность, Откровение, христианство в XIX в.

Введение

Несмотря на то, что непосредственным событием, лежащим в основе данного исследования, стал частный случай из биографии Сёрена Керкегора (1813–1855), объект и проблематика статьи выходят далеко за рамки его эпохи. Однако наряду с мыслителями XX в. в качестве собеседников датского философа здесь фигурируют еще несколько лиц. Это – современники Керкегора, которые в идейной пестроте XIX в. совсем не кажутся близкими ему по духу и тематически никак не пересекаются с его посланием. Казус Адлера, как мы надеемся показать, должен оправдать правомочность такого сближения.

Непонятый при жизни, Керкегор далеко опередил свое время. Неотъемлемую часть мысли датского философа составляет не только чужая мысль (в данном случае Гегеля). Понимание Керкегора будет неполным и без учета его дальнейшей рецепции. В его интеллектуальную биографию входят не только имена правогегельянцев и других деятелей литературы и богословия середины XIX в. **Всегда остро реагирующий на исторические, социально-политические и даже государственные события своей эпохи** (как,

скажем, вопрос о придании гегельянству статуса официальной доктрины Датской церкви), Керкегор интерпретировал их с вольностью, шокирующе далекой от сиюминутного смысла происходящего. Сегодня его по праву называют «гениальным читателем» (по определению одного из ведущих современных керкегороведов Нильса Йоргена Кабелерна). Но при жизни, обрекая себя своим подходом на одиночество, он существовал в мире несвоевременного вымысла и был готов отвечать за его действительность со всей серьезностью. Теперь такого же пристрастного отношения он требует от тех, кто читает его книги. И, как показывает история философии, их ответ всегда оказывается тем интересней, точней и адекватней, чем острее они улавливают не прямое керкегоровское высказывание, а проблему, придавшую импульс этому сообщению.

Керкегор и проблема религиозной речи

Дадим слово Витгенштейну. “...Es unmöglich ist, einen Unsinn zu urteilen”¹: представление о логическом пространстве (в рассматриваемом нами случае – пространстве сообщения, *Meddelelse*), которое **прицеливает, направляет и ориентирует, объединяло** его с Керкегором. Автор «Логико-философского трактата» настаивал на причастности смыслу *всякой* речи. Наш мир определяется границами логической фразы. Речь, предельно охватывая всё, что можно сказать, показывает тем самым, *что* имеет место. Увиденное призывает меня к ответу, приглашая назваться именно так, а не иначе, и тем самым втягивает в высказывание всего меня.

С Керкегором Витгенштейна связывали особые отношения. Фундаментальный, серьезный до глубокомыслия, по впечатлению Витгенштейна, знаток религиозного опыта², Керкегор был автором, решительно отказавшимся мыслить Высшее в терминах психологии и космологии, учения о природе³. В десятилетия, когда естественно-научное суждение получило автономию от религиозного, его путь предполагал не просто отказ от старых подходов или перемену метода. К девальвации христианства – как и к осознанию своей принадлежности к поколению пасторов, тонущих в потоке религиозной лексики, – Керкегор оказался подготовлен. Его ответом на кризис стала идея представить религиозную веру как энергичное утверждение Бога. А писательской задачей – речь, которая отвечает Его присутствию и действует как команда⁴. Само сообщение (у Керкегора – эстетически, а не логически тематизированное) он стремился превратить в такой акт, который, не существуя отдельно от объекта веры, уничтожит различие между словом и поступком. Этим Керкегор предвосхитил фило-софские повороты двадцатого века.

¹ Логико-философский трактат, 5.5422. В английском переводе: «...it is impossible for a judgement to be a piece of nonsense»; в дословном русском переводе (В.В. Библихина): «...невозможно вынести бессмысленное суждение» [Библихин, 2005, с. 256].

² «Керкегор был, несомненно, самым глубоким мыслителем прошлого века. Это был святой» [Druy, 1981, p. 102–103]; «Как бы то ни было, но Керкегор для меня слишком глубок. Он приводит меня в смятение, но не оказывает действия, какое производит на более глубокие натуры» [Malcolm, 1984, p. 106].

³ Керкегор жил в переломное для европейской культуры время. Годы крушения спекулятивных систем не только дали ход новым рецепциям гегельянства, но и заставили радикально пересмотреть главные проблемы метафизики. Актуальные решения исходили не только от теологии, стремительно сближавшейся с филологией (библистикой), художественной литературой и новыми социально-политическими теориями. Керкегор, не будем забывать, был современником не только Б. Бауэра, К. Маркса и Ф.М. Достоевского, но и Дж. С. Милля и Б. Больцано; разрыв некогда нерушимой связи умозрения (сферы «идеальных объектов»), религии и естествознания был общим устремлением века. Керкегор мыслит Высшее как принципиально неприродное сущее. Бог в его понимании не принадлежит этому миру (подробно об этом он рассуждает в трактате «Упражнение в христианстве», 1850). Но рассуждает он не с точки зрения логики. Его интуиция, напротив, из тех, что напрямую затрагивают людей, область религии. Это верующим он заявляет, что Спаситель – не существует. Бог весь – это отношение к нему; Абсолют укоренен в «субъективности». Не будет поэтому преувеличением сказать, что всё керкегоровское христианство – религия парадокса. Оно чаёт опереться на то, чего нет. Подробнее см. об этом: [Лунгина, 2011].

⁴ Подробнее об этом см.: [Evans, 2004; Quinn, 1996].

Что стало непосредственным поводом для выступления Керкегора в XIX в.

Во времена Керкегора поступком было говорение и письмо. В новый виток истории, когда Бог определяется тем, что о Нем сказано, были вовлечены все культурные инстанции – от философов, теологов и проповедников до журналистов. В войнах и революциях XIX в. различие между ними быстро стиралось. Попытка удержать различие приводила Керкегора, помимо прочего, к выводу, что разница между религиозной речью и имитацией – в «субъективности» автора. И дело не только в том, что настоящая речь создает свой предмет, а имитация с легкостью нагромождает образы потому, что собственная жизнь писавшего от них не зависит. Проблема в том, что невозможно установить денотат сообщения без вдумчивого разбора, *кто* сообщающий – не как личность, а как «внутреннее отношение», *Inderlighed*, связывающее субъекта с предметом речи.

Случай обратиться к теме напрямую выпал Керкегору в 1846 г. после того, как он отдал в печать книгу под заголовком «Заключительное ненаучное послесловие к “Философским крохам”». Хотя он планировал тем самым завершить писательскую деятельность и стать пастором, вернуться к своей основной профессии, т. е. отложить в сторону иронию и дать отставку многочисленным псевдонимам, ему не удалось. Накануне общеевропейской революции атмосфера была накалена. Пресса готовилась к новым боям. Накрывшая его в том же году история с «Корсаром» [подробней см.: Бредсдорф, 1971, с. 23–150; Роде, 1998, с. 184–199; Лунгина, 2016, с. 56–58] показала: духи толпы – словесные фантомы – материализуются и отнимают дыхание, совсем как боль от удара булыжником, выковырнутым из мостовой (о технике баррикадных боев тогда много писали). Эра современных медиа начиналась задолго до возможности их технического воплощения. Примитивное, ничтожное измышление приобрело чудовищную силу, меняя судьбы людей и целых народов. Что слово есть действие, было общим местом эпохи. Ответственность говорящего, однако, требовала задуматься: какой бы степенью ирреальности ни обладал предмет речи, ни одно размышление и ни одно высказывание не избежит сравнения с делом, а значит, и проверки на правомочность такого сравнения.

Проблема авторитетного высказывания была поставлена перед Керкегором самой эпохой. Что иной речи, кроме дельной, строго говоря, не бывает, он взялся продумать самым строгим образом. Повод для работы оказался интересен вдвойне: с человеком, учившимся когда-то с Керкегором в одном классе, а потом и какое-то время на одном курсе (звали его Петер Адольф Адлер, 1812–1869), произошло нечто странное. Мало того, что ему, пастору и поклоннику Гегеля, явился сам Всевышний, – он решил обнаружить свой опыт и перестроить жизнь прихожан в соответствии с заповедями, полученными от Бога.

Адлер как персонаж произведений Керкегора...

Керкегор несколько раз возвращался к этой истории. Первый отклик – «Книга об Адлере», с подзаголовком «Недавняя сумятица в религиозных умах», – был готов к началу 1847 г. По причинам, о которых ниже, он не стал ее публиковать сразу, и она вышла посмертно в 1872 г. Однако важнейшие тезисы работы всё же увидели свет при жизни Керкегора – он изложил их, без упоминания Адлера, в статье «О различии между гением и апостолом», ставшей частью книги «Два малых этико-религиозных трактата» (написана в 1847 г., опубликована в мае 1849 г. под псевдонимом НН). Другие тезисы вошли в состав книги «Точка зрения на мою писательскую деятельность» (посмертная публикация 1859 г.) и этюда «О моей писательской деятельности» (издан в августе 1851 г.).

Несмотря на хорошую освоенность керкегоровского корпуса, «Книга об Адлере» – по-прежнему одна из самых малоизученных в наследии писателя. Хотя Х.П. Барфот выпустил ее в составе первого собрания посмертно изданных бумаг [EP, 1868–1881] и фактическая сторона дела была известна биографам⁵, в следующем – гораздо более полном издании «Записок» Керкегора [Pap., 1909–1948] – редакторы представили книгу как набросок статьи о гении и апостоле (т. е. решили не связывать статью с истинным виновником ее появления). Отказывали казусу в оригинальности и позже. Принцип прочтения не совсем готовой книги через проблематику других произведений писателя сохранялся в англоязычной литературе вплоть до второй половины прошлого века⁶. И несмотря на то, что уже в 1920-е гг. Эдуард Гейсмар и Кристоф Шремпф включали Адлера в перечень значимых для Керкегора лиц [Geismar, 1926–1928; Schrempf, 1927–1928], **научные комментарии к «Книге» и сейчас немногочисленны**. Среди самых заметных – публикации Корнелио Фабро, переведшего «Книгу» на итальянский [Kierkegaard, 1976; Fabro, 1978]; габилитационная работа Карла Хенрика Коха «Муха на бессмертном носу Гегеля, или об Адольфе Петере Адлере и отношении к нему Сёрена Керкегора»⁷ и разделы монографии Джона Стюарта «Отношение Керкегора к Гегелю в критическом пересмотре» [Stewart, 2003, p. 378–418; 524–549].

...и как реальное лицо

Рожденный 29 августа 1812 г., Адлер был старше Керкегора на год. Как и тот, он происходил из семьи разбогатевшего коммерсанта, желавшего дать сыну лучшее образование. Поэтому обоих отдали в одну и ту же престижную гимназию – Школу гражданской добродетели (*Borgerdydskolen*); **после их ждал теологический факультет** Копенгагенского университета. Не сойдясь близко, они всю жизнь оставались на «ты» – редкость для студентов девятнадцатого века, соблюдавших академические правила, – и отделяли личные отношения от медийных.

В 1836 г. Адлер был уже кандидатом теологии. Но в отличие от Керкегора, слушавшего лекции высокопрофессионального Ханса Лассена Мартенсена (автора популярной в Дании правогегельянской версии спекулятивной теологии) и не просто с ранних лет захваченного Гегелем, но и подготовленного так, чтобы поздней в Берлине воспринимать классический идеализм из первых рук, Адлер имел скромные способности к чистому мышлению. В 1840 г. он издал философскую диссертацию «Изолированная субъективность в ее главных формах. Часть первая» (второй не последовало). Возможно, как автор этого текста⁸ (а скорее, еще одного – озаглавлен-

⁵ Ср. несколько абзацев об Адлере и посвященной ему книге в работе Кристиана Йенсена «Религиозное развитие Серена Керкегора» [Jensen, 1898, S. 110–109].

⁶ См., напр., заголовок, данный Уолтером Лоури [см.: Kierkegaard, 1966], – «On Authority and Revelation (The Book on Adler, or A Cycle of Ethical-Religious Essays)».

⁷ В юности Керкегор сочинил комедию «Как старый продавец мыла поссорился с молодым». Среди прочих действующих лиц там фигурировала «Муха, которая в течение нескольких лет предусмотрительно оставалась зимовать у покойного Гегеля и которой пару раз повезло посидеть на его бессмертном носу, куда он корпел над сочинением “Phänomenologie des Geistes”» [SKS, bd. 17, S. 281, DD: 208 (1837–38)]. Муха – собирательный образ датского гегельянца. См.: [Koch, 1990; Koch, 2004; Koch, 2009 (там же библиография по теме)].

⁸ Неизвестно, читал ли Керкегор эту диссертацию. Она отсутствует в «Аукционном каталоге библиотеки Керкегора» (содержащем описание более двух тысяч томов, выставленных на продажу и частично ушедших с молотка после смерти владельца. Этот ценный источник позволяет составить впечатление о философских, литературных и богословских предпочтениях писателя. Подробней о диссертации см.: [ASKB, 2015]). А среди написанного Керкегором только одно место можно истолковать как возможную ссылку на нее. Это запись 1850 г., что «глубокие мыслители (Гегель, Дауб и др.)... единогласно полагают, что изолированная субъективность – зло и спасает только объективность» [NB15:7. In: SKS, bd. 23, S. 49–50]. С тем, что «изолированная субъективность» зло, Керкегор соглашается.

ного «Популярное изложение гегелевской объективной логики» [см.: Adler, 1842]), он стал собирательным образом современного датского гегельянца-эпигона и легкой мишенью для едкого и ироничного Керкегора.

Все роды мысли тогда осваивали человека в его неповторимой индивидуальности. Социология и психология, методом которых вскоре станет типизация, откажутся от этой задачи; литература и теология упорно продолжат поиски человеческой конкретности. Гегелевское «несчастное сознание», поразившее Адлера филигранностью работы понятия, подало ему идею, что такая личность существует не только в сфере абстракции. Но тип «подпольного человека» или социально «отсталого» не встречался в Дании. Чтобы отыскать и разоблачить одиозного носителя несчастного сознания в реальной действительности, нужно было его правильно назвать. Слово нашлось: главным грехом современности автор диссертации объявлял «изолированную субъективность» – исторически «устаревшую» и потому отпавшую от Всевышнего. Один из ее тезисов гласил: “Homo in malis est quum retinet momentum historicum, quod evanuit”, во зле пребывает человек, который остается в устаревшем историческом моменте [Adler, 1840, S. 55; цит. по: Koch, 2009, p. 5]. Если, рассуждал Адлер, современный датчанин придерживается представлений восемнадцатого столетия о божественном, то он грешит, не желая быть тем, что он есть, – индивидом девятнадцатого века. Человечество спасается лишь принятием объективного, или действительного, в свое сознание. Спасение – в объективности [см. *ibid.*].

Аналогично обстоят дела с Откровением. «Inspiratio et prophetia est mediatio necessaria», божественное вдохновение, т. е. Откровение, и пророческие речи суть необходимые посредничества. Откровение, а тем самым и явление божественного во времени – жизнь и учение Христа – обретают полную значимость, лишь войдя в человеческую культуру. Только получив образование на уровне своего времени и в соответствии с требованиями своей культуры, люди девятнадцатого века становятся современными индивидами и тем самым полноценными христианами [см. *ibid.*, S. 60].

Знай мы наверняка, что Керкегор – автор «Несчастнейшего» – читал диссертацию Адлера, можно было бы предположить его реакцию: мысль Гегеля упущена здесь вся, даже не получив шанса начаться (поскольку несчастное сознание – это упорная и необходимая правда сознания, без которой оно не имело бы ни Бога, ни истории). В следующей публикации – брошюре «Популярное изложение гегелевской объективной логики», изданной в 1842 г. для будущей паствы и приобретенной Керкегором, Адлер интерпретировал идеи спекулятивной философии еще доходчивей. «Действительность» – что бы под ней ни понимать – безоговорочно связывалась с христианством, однако быть христианином отнюдь не значило для Адлера исповедовать Благоую весть, в самом себе открывать действительность Бога. Важней было воспитать в членах общины глубокое осознание своей причастности к историческому настоящему. «Когда заявляют, что благочестивый христианин отличается от язычника, имеют в виду не абстрактное общее качество, служащее определением и тому, и другому, но новое качество, привносимое количеством – временем» [Adler, 1842, S. 82; цит. по: Koch, 2009, p. 8]. И если (пример Адлера) Сократ не преодолел своей принадлежности к язычеству, так как не родился в нужное время, то хороший христианин обретает блаженство тем, что радуется принадлежности своей эпохе.

Реакция Керкегора и личная встреча с Адлером в 1843 г.

Было заметно, что Адлер не просто жонглирует модными словами. Наоборот, его мысль слишком зависит от них. Вникнуть в существо гегелевских понятий мешает привычка реагировать на слова как на сигналы. Но что особого рода невнятность делает что-то злое с самим писавшим, Керкегор начал обдумывать в совершенно новом направлении, нежели критика абстракции в «Ненаучном послесловии».

В «Книге об Адлере» он будет рассуждать о человеке, ставшем жертвой гегелевской философии, тотальной мощи понятия. Беда не только в том, что он, как многие другие, отдал себя анонимным силам эпохи, согласившись говорить не своим, а чужим голосом (по Керкегору, ничего не сделал для обретения своего). Важней, что ахиней, в которую он вовлечен, имеет последствия – и не только в виде ученой степени, а затем других благ (в феврале 1841 г. Адлер получил хорошее место – приходского пастора городов Хасле и Рутсхер на острове Борнхольм). Еще важнее – итог этой истории, заставляющий спросить: что за событие продолжается в его речи, во что она, собственно, вовлекла говорящего? Почему его высказывание изменило его внутренне? Да и не предрассудок ли – ставить субъекта отдельно от речи? Керкегор, уже хорошо изучивший иронико-эстетическую сторону сообщения, думал теперь и о его этической стороне.

Не будем спорить с тем, что очевидно сегодня: мы читаем Адлера другими глазами, чем Керкегор. Комментаторы, объясняя интерес писателя к Адлеру, вольно или невольно преувеличивают простодушие будущего пастора, следуя впечатлению, созданному репутацией ироничного Керкегора – ставящего себя к тому же как «частный», т. е. свободный, мыслитель, не связанный институциональными и семейными обязательствами. Но если опираться только на факты, эта интерпретация повисает в воздухе: в изданных произведениях (в отличие от черновиков и дневниковых записей начиная с 1846 г.) Керкегор не упоминает имени Адлера.

Его тексты свидетельствуют, что весь свой сарказм он обрушивает на Гегеля. Но даже популярная ныне гипотеза: язвительные ремарки в адрес «профессора» меньше всего отсылали к личности философа; подлинной мишенью керкегоровской иронии были датские гегельянцы, чьи имена по негласным правилам того времени (кроме как в особо оговоренных случаях) не назывались прямо [подробней см.: Лунгина, 2017, с. 142–143], – не объясняет его умолчаний. И если фигуры Й.Л. Хейберга и Х.Л. Мартенсена всё же мелькают в произведениях писателя, когда дело доходит до содержательной полемики с гегельянством, то отсылки к Адлеру (точнее, к «Популярному изложению...») – это всегда предмет текстологической реконструкции. Подразумевается ли его личность, или «Популярное изложение...», подобно «мухе на профессорском носу», служит только образом недалекого мыслителя и его продукции – тема продолжающейся дискуссии (К. Кох, Дж. Стюарт, комментаторы «Понятия страха» Н.Й. Кабелерн и Х. Шульц – см.: [SKS, bd. K4, S. 350f.]).

Почему же Адлер так интересовал Керкегора? Из-за желания понять, что с ним не так. После защиты диссертации Адлер рассчитывал на должность приват-доцента. Однако обстоятельства изменились, и в феврале 1841 г. он отбыл на Борнхольм. За это время в Копенгагене вышли в свет его лекции о логике; потом неожиданно он вернулся в столицу. Вначале ничто не предвещало плохого – 29 июня 1843 г. Керкегор писал своему брату Петеру Кристиану, что «магистр Адлер сейчас в городе, он стал пастором на Борнхольме, [и что он] ревностный гегельянец. Он приехал обнародовать несколько проповедей, в которых, скорее всего, будет защищать направление, указующее в сторону (правогегельянской. – Д.Л.) ортодоксии. Он вроде как человек с головой и во многих casibus жизни имеет внушительный опыт, но сейчас он несколько переутомлен. Тем не менее всегда может оказаться, что это – феномен, на который еще придется обратить внимание» [SKS, bd. 28, S. 26].

Через несколько дней, в июле (по другим данным – в декабре) 1843 г. Адлер неожиданно нанес Керкегору визит, о котором косвенно упоминается в «Книге об Адлере». Но сохранилось и прямое свидетельство – философа и дальнего родственника Керкегора по имени Ханс Брэхнер (1820–1875). В его воспоминаниях рассказывается: «Как-то раз Адлер пришел к Керкегору с только что опубликованной работой и долго говорил с ним о религиозном творчестве – о его и о своем. Из речи Адлера следовало, что он рассматривает Керкегора по отношению к себе в качестве Иоанна Крестителя, а самого себя – поскольку ему было прямое откровение – в качестве

истинного Мессии. До сих пор помню улыбку, с которой Керкегор передал мне свой ответ Адлеру, что он полностью удовлетворится отведенным ему местом. И что, на его взгляд, быть Иоанном Крестителем – весьма респектабельно, а на роль Мессии он и не претендует. Во время того же визита Адлер вслух прочел Керкегору большой кусок из своей работы; что-то он произнес нормальным голосом, а что-то странным шепотом. Керкегор позволил себе заметить, что не находит здесь никакого откровения. На это Адлер ответил: “Ну что ж. Тогда жди меня вечером снова, и когда я прочту тебе всё *вот таким* голосом (т. е. шепотом), ты всё поймешь”. Керкегора очень рассмешила уверенность Адлера, что если сказать то же самое тихим голосом, написанное приобретет больший смысл» [цит. по: Kirmmse, 1996, p. 234–235].

Эпизод про переход на шепот – единственное, что вошло в «Книгу об Адлере»⁹. Керкегор использовал его как повод для рассуждения, что Адлер вцепился в ритуал из-за слабости религиозной веры и «нехватки этического». Другие заключения о состоянии приятеля Керкегор решил не верить даже личным бумагам. Он держал их при себе и тогда, когда в 1844–1845 гг. нездоровье Адлера стало заметно церковному начальству и превратилось в предмет разбирательства. И даже после публичных заявлений Адлера, что когда ему явился сам Христос, Он повелел уничтожить диссертацию о Гегеле и отныне проповедовать только Библию¹⁰ (несколько проповедей действительно было опубликовано), Керкегор не стал комментировать это громкое дело. Как и смещение Адлера с должности пастора в августе 1845 г.

Свидетельство Брехнера указывает: шутливым ответом он показал приятелю, что будет сохранять с ним нормальные отношения. Его собственные записи подтверждают, что в речевом поведении он был безупречен и дальше. Как мы уже говорили, ссылки на сочинения Адлера у Керкегора настолько завуалированы, а образ настолько расплывчат, что достоверно установить их референта нелегко и сейчас. Например, читаем в «Понятии страха» (1844):

Когда последний раздел Логики получает заглавие “Действительность”, это имеет то преимущество, что все выглядит так, будто вы добрались в логике до самого высокого или, если угодно, до самого низкого. Но урон при этом совершенно очевиден; ибо это не идет на пользу ни логике, ни действительности. Это никак не помогает действительности, поскольку логика не может оставлять никакой лазейки для случайности, которая по сути своей принадлежит действительности. Но это не помогает и логике, поскольку, если уж она помыслила действительность, она тем самым приняла в себя нечто, чего ей не переварить, то есть ей приходится предвосхищать то, что она должна была всегда лишь предопределять. Наказание явно состоит в том, чтобы всякое рассуждение относительно того, что такое действительность, стало трудным, возможно даже на какое-то время невозможным, поскольку слово как бы должно получить достаточно времени, чтобы задуматься о самом себе, достаточно времени, чтобы забыть об ошибке [Керкегор, 2010 а, с. 125¹¹].

Мы уже встречались со случаями подобной многословности Керкегора [см.: Лунгина, 2017, с. 141–142] и можем еще раз сослаться на предположение Джона Стюарта: уклончивость – свидетельство, что Керкегор лично знает объекта своей полемики. По гипотезе Стюарта, в данном случае речь идет о пассаже из «Популярного изложения...», где Адлер – врез со структурой «Науки логики», завершающей

⁹ «...Было бы в своем роде даже логично, если бы А.[длер], подобно магам и волшебникам, рекомендовал и предписал совершить некоторые ритуальные действия – например, прежде чем пробьет 12 ночи, встать, пройти по комнате три раза, затем взять книгу и открыть ее..., потом прочесть определенное место сначала мягким голосом, затем повышая голос, а затем снова понижая...» [Par. VII-2, В 235, S. 171].

¹⁰ Следы помешательства были заметны в публикациях Адлера 1843 гг.: «Несколько проповедей» [Adler, 1843a] и том «Исследований» [Adler, 1843b].

¹¹ Приведем, опираясь на мнение комментаторов SKS, и другие примеры произведений Керкегора до 1846 г., где источником критического настроения Керкегора предположительно является «Популярное изложение...»: [Керкегор, 2009, с. 12, 48–49, 100; Кьеркегор, 2005, с. 29, 47].

разделом «Действительность» не всё учение о мысли, но только учение о сущности (т. е. второй том), – интерпретирует историческую «действительность» настоящего момента как высшую стадию понятия [подробней см.: Stewart, 2009, p. 380–384; Koch, 2009, p. 8–10].

Адлер и проблема этического

...Пока начальство думало, как поступить с новоявленным мессией, Адлер опубликовал отчет об этом деле и еще несколько книг в придачу к проповедям. В июне 1846 г. эти издания оказались у Керкегора¹². Скорей всего, в следующие месяцы он занимался только казусом Адлера. Результатом стала неопубликованная серия набросков, известная как «Книга об Адлере» («Если я назову Адлера по имени, мне придется иметь дело с отчаявшимся человеком, чего мне делать ну совершенно не хочется» [Par. X 6 В 61]¹³). А также ее резюме – «О различии между гением и апостолом».

В «Книге об Адлере» описывается ситуация, когда человек, подобно Аврааму, остается один на один с высшей силой. Он повинуется божественной команде, не разбирая, от кого исходит приказующий голос. Как и в «Страхе и трепете», Керкегор вначале доверился своему герою, так же как и он, приняв, что человек имеет дело непосредственно с тем, что его захватило. И что вердикты и разбирательства начнутся позднее, вернее – всегда запаздывают. Однажды описав опыт полного солипсизма, Керкегор не мог не вернуться к этому случаю – тем более что на этот раз в нем открылась важная сторона, отсутствовавшая у Авраама: попытка разделить неразделимое, раскрыть пастве тайну своего откровения, повести за собой людей. Поэтому «на нем лежит ужасная ответственность избранного одиночки за каждый свой шаг, ответственность за то, чтобы в самых мельчайших деталях дословно следовать приказу, который он определенно и одиноко слышит как глас божий, – ужасная ответственность, которую он услышал или расслышал неверно...» [SKS, bd. 15, S. 64].

Одиночество Адлера, – предполагает Керкегор, – другого рода, чем «отстранение этического» (*Suspension af det Ethiske*), т. е. **цивилизационных построек, воздвигнутых разумом**. Если «я не могу понять Авраама» [Керкегор, 2010, с. 33], то Адлер этически как раз понятен: «...у магистра Адлера нет решающих этических допущений; гегельянство вполне научило его обходиться без этики» [ibid., S. 129]. Что стоит за этим вердиктом, кроме объяснений, известных по работам Мишеля Фуко: где сегодня состоялась психиатрия, в XIX в. суждение выносила мораль, так как больные рассматривались не только с точки зрения умственной, но и волевой вменяемости? Керкегор здесь не просто разделяет предрассудок своей эпохи, легко обвиняя гегельянство (т. е. привычку к научной отстраненности) в том, что его адепт утратил связь с реальностью. И, единожды впад в абстракцию, скоро потерял способность по-настоящему участвовать в том, что делает¹⁴.

¹² «Документы о моем отстранении и последующем увольнении» [Adler, 1845], «Поэмы» [Adler, 1846 a]; «Исследования и примеры» [Adler, 1846 b]; «Богословские штудии» [Adler, 1846 c]; «Попытка краткой систематизации христианства в рамках его логики» [Adler, 1846 d].

¹³ Биографы Керкегора свидетельствуют, что тот очень сочувствовал Адлеру. Среди его бумаг есть наброски, отражающие намерение написать Адлеру письмо с советом пересмотреть свои заявления и скорректировать линию защиты перед епархиальным советом.

¹⁴ «У него нет того единственного условия, которое могло бы дать ему внутреннее осознание того, что эта философия привносит полнейшую путаницу в христианство. Как нет в нем и глубокой религиозной жизни, какая могла бы удержать его от погружения в эту философию. В религиозном смысле у него нет нужной экипировки ортодоксальности и глубокого религиозного впечатления; он – слишком легко вооружен, и потому естественно и само собой получилось, что он бездумно понял то, чему учил Гегель: моя философия есть высшее развитие христианства» [ibid., S. 93–94]. Ср. рассуждения о фигуре «абстрактного профессора» в «Ненаучном послесловии»: [Керкегор, 2005, с. 208 сл.].

«Книга об Адлере» указывала в направлении другой проблемы: «этическое» подразумевает не только «всеобщее», из которого исключил себя отец веры («Авраам не может говорить» [Кьеркегор, 2010, с. 56]). Думая о выпадении Адлера из этического, Керкегор имеет в виду не состояние впавшего в безумие, а слабость его суждений. Последнюю он квалифицирует как следствие морального бесчувствия: сводя религиозное к видению, которому, так сказать, позволено жить своей жизнью, Адлер не заботится и о действительности своих слов. Доходит до смешного – как показывают его объяснения с главой Датской церкви епископом Мюнстером (преданные Адлером огласке), он готов отредактировать услышанное, дабы вернуть себе место [см.: Adler, 1845, S. 23, цит. по: Koch, 2009, р. 17]. В глазах Мюнстера это подтверждает его помешательство. В глазах Керкегора утрата авторитета и, соответственно, чувства комического – следствие сущностной безрелигиозности Адлера.

Речь как случай «внутреннего отношения». Проверка высказывания на действительность

Добавим: в отличие от казуса Эммануила Сведенборга, случай Адлера не анализирует возможность духовидения, или опытного постижения сверхчувственного. Он указывает, что сверхчувственное, Бог, определяется нашими суждениями и ближе к нам, чем показывает разбирательство, предпринятое Кантом. Основной религии было и остается, по Керкегору, «внутреннее отношение», *Inderlighed*. Но прежде, чем в 1850 г. в работе «Упражнение в христианстве» он провозгласит: нельзя *верить* в естественное, Бог – не имеет места, но желается, волится, утверждается экзистенцией [SKS, bd. 12, S. 28ff.], – он представит предмет веры как то, что заявляется и осуществляется в речи.

В 1843–1844 г. («Страх и трепет», «Понятие страха» и др.) Керкегор широко впускал в речь молчание. Авраам служил предельным случаем религиозного сообщения, рыцарь веры, «похожий на сборщика налогов» («Понятие страха»), – примером красноречивого отказа от речи, понятой в том числе и как послание, которое несет внешность. «...Знай я, где живет подобный рыцарь веры, я отправился бы к нему пешком; ибо это чудо абсолютно занимает меня... Я пока еще не нашел такого человека, однако я вполне могу представить себе его. Вот он. Знакомство произошло, меня ему представили. В тот самый момент, когда он попадает на глаза, я тотчас же отталкиваю его, сам отступаю назад и вполголоса восклицаю: “Боже мой, неужели это тот человек, неужели действительно он? Он выглядит совсем как сборщик налогов”» [Кьеркегор, 2010, с. 34].

Как и раньше, Керкегор разводит прямую речь и косвенную. Так продолжается и после 1846 г., когда он пытается по-новому осмыслить границы речи и, соответственно, установить предмет сообщения. Он по-прежнему выпускает произведения под псевдонимами, ищет подходящий и для «Книги об Адлере»¹⁵. Но в отличие от произведений, написанных им от своего имени, т. е. «правой рукой», – назидательных бесед, где нет отступлений от евангельских сюжетов и лишь комментируются «авторитетные» высказывания, в произведениях, написанных «левой рукой», т. е. «безавторитетно» и с непрямым авторством (под псевдонимом), открывается новая тема. В статье «О различии между гением и апостолом» к Аврааму и бесцветному рыцарю веры добавляется еще один персонаж.

Раньше, отнимая у автора существование (иначе говоря – авторитетность), Керкегор надеялся лишить его претензий на универсальность и объективность. Его «марионетка»¹⁶ не говорит, как объективно обстоят дела в мире; этим она отрезает в свое

¹⁵ Известно, что от старого своего псевдонима Йоханнес Климакус он отказался, «так как тот уже отметился как человек, заявивший, что он не христианин» [см.: Pap. VIII 2 B 24]. Вместо него он выбирает между вариантами (оставим их пока без перевода): Petrus Minor, Thomas Minor, Vincentius Minor, Ataraxius Minor.

¹⁶ Известное определение Мартина Туста. См.: [Thust, 1925].

владение область, где действует только ее правило – искусственно втянуться в речь, самой стать сообщением. Теперь агентом религиозной речи Керкегор назначает еще одну фигуру – апостола.

Эссе «О различии между гением и апостолом» отличается от «Книги об Адлере» своим провокационным тоном; о вещах неустойчивых псевдонимный автор НН говорит уверенно, как об объективных фактах. Это язвит читающего. В описании НН апостол действует так, что его невозможно отличить от зомби или сумасшедшего. Он ставит себя вне критики; его суждения – необходимые, т. е. «аподиктические» [SKS, bd. 11, S. 78]; то, что они – от Бога, преподносится с непреложностью, которой не симметрично никакое отрицание.

Так как же тогда апостолу доказать, что он наделён авторитетом? Если бы он *и правда* мог это доказать, он не был бы никаким апостолом. Другого доказательства, кроме собственных заявлений (Udsagn), у него нет. И ведь это правильно, ведь в противном случае верующий бы вступал с ним в прямое, а не в парадоксальное отношение. В трансисторических отношениях между человеком и человеком *qua* человеком авторитет узнается по власти, которая его сопровождает. Однако у апостола нет другого доказательства, кроме собственных заявлений, и еще, пожалуй, того, что он с радостью готов сколь угодно страдать за свои слова. Его речь будет краткой: «Я призван Богом. И что хотите со мной делайте, бейте меня, преследуйте, но я повторю только то, что сказал: я призван Богом. На вас будет лежать вечная ответственность, если вы причините мне хоть что-нибудь» [ibid., S. 81–82].

Иными словами, апостол – это агент прямого, т. е. подчиняющего, высказывания. И если (пример Керкегора) кандидат теологии Петерсен говорит: «Вечная жизнь существует», и Христос говорит то же самое – «оба утверждения с эстетической точки зрения одинаково хороши. И всё же здесь имеется вечное качественное различие!» [ibid., S. 105]¹⁷. Слово Христа, в отличие от слова кандидата Петерсена, – повеление жить по Его слову. Соответственно, речь апостола, повторяющая божественную команду, устроена иначе, чем речь остальных. Ее цель – разыграть это повеление, войти в него, словно в роль, повторить его в действии. Но ее акции – не перформативы в смысле классической лингвистики (типа «прошу» или «обещаю»). Речь апостола утверждает положение вещей не силой его личности, а отказом от нее.

Что «субъективность» в своем историко-философском значении здесь проваливается (как и тема этической ответственности за свои слова), обозначает появление новых проблем. Их видит не только Керкегор; на новый – абсолютный статус предложения (Satz, proposition) каждый по-своему отзываются и его современники – логики Дж. С. Милль и Бернард Больцано. Не все проблемы Керкегор соглашается считать предметом мысли. Относя всё, связанное с внутренним отношением, к области «парадоксально-религиозного» [SKS, bd. 11, S. 74], он закрывает не только логические подступы к теме. Слово «парадокс» (как наши «тайна» и «чудо») начинает жить своей жизнью, оборачиваясь тупиком для мысли. Как и от всякого сильного понятия, от него от самого ожидается магическое действие. Авторитет, который, по словам Керкегора, имеет только апостол, возвращается к «гению», иначе говоря, писателю.

¹⁷ Ср. NB5:114 (1848). In: SKS, bd. 20, S. 417: «Лучшим доказательством бессмертия души, существования Бога и т. п. является, по сути, впечатление, которое вынесено из детства; иными словами – такое доказательство, которое, в отличие от многочисленных научных и велеречивых доводов, можно обозначить так: это совершенно очевидно, потому что так сказал мне мой отец». Ср. также отсылку Витгенштейна к «Или – или»: «Великий писатель сказал, что, когда он был мальчиком, его отец задал ему задание, и он внезапно почувствовал, что ничто, даже смерть, не сможет взять назад ответственность за выполнение этого задания. Это было его задание, и даже смерть не могла бы остановить его выполнение. Он сказал, что это было в каком-то смысле доказательством бессмертия души – потому что, если это продолжает жить, ответственность не умрет. Это представление было дано посредством того, что мы называем доказательством. Если это вообще можно назвать представлением» [Витгенштейн, 1999, с. 69].

Решительное разведение логического, этического и религиозного у Керкегора порождает новые этические проблемы. Двадцатый век (М. Бубер, Т. Адорно, Л. Шестов) не преминет поставить их ему на вид.

Но кроме критических откликов XX в. предложит и решения. Там, где Керкегор видел парадоксы и завалы, Витгенштейн усмотрит выход. У Витгенштейна, при сохранении презумпции молчания, которого требует вера, это будет доверие к обычному языку, сопротивление тому, чтобы наделять речь о Боге особым статусом («Керкегор для меня *слишком* глубок»), другое понимание молчания (во всяком случае не как бессловесности, или отказа от речи). Но то, что у Витгенштейна многократно заявлено как широкое требование – прекратить всю эту болтовню об этике, – есть уже у Керкегора.

Заключение

Как это будет разыграно на языке двадцатого века, тоже известно. «Вы веруете в Бога»? <...> «есть неприличные поступки» <...> «а я и не сравниваю» <...> «я бы тоже не ответил»: вторжение мистического в нашу жизнь хорошо показал также Даниил Хармс («Старуха», 1939). Границы священного обозначаются здесь через апелляцию к стыду, напрямую. Вспыхнув, разговор на секунду умолкает, чтобы после этой паузы продолжиться – на ту же тему, другим языком.

XX в. подхватит проблему девальвации речи, поводом для которой стал казус Адлера, разными способами, среди которых – тематизация границ языка и обращение к эстетике абсурда. Как и середина XIX в. – время кризиса спекулятивной логики, т. е. претензий разума и его конструктов на действительность, XX столетие продолжит пересмотр границ логики. Современным останется открытие Керкегора, что «религиозный автор» – не обязательно тот, кто пишет произведения на религиозную тему. Как не всегда только тот, кто, подобно религиозному авторитету, или апостолу, примеряет к себе участь человека, готового пожертвовать благополучием, здоровьем и, если надо, жизнью за свои убеждения (что станет, как подтвердят несколько недель 1855 г. – недель «борьбы с церковью», случаем, верным и для самого Керкегора). В отличие от апостола, религиозный писатель – вольный или невольный исследователь границ языка – тот, кто берет слово без претензии на авторитетность. Что придает действенность его слову? Как достигает оно цели, которую сам Керкегор обозначил, – «стяжать такое место, чтобы Бог мог на него сойти» [SKS, bd. 26, S. 416]? Проблема так называемого «непрямого сообщения» (indirekte Meddelelse), поставленная перед Керкегором в начале 1840-х гг. с подачи Адлера, но не развитая в посвященных ему работах, станет темой отдельного исследования.

Список литературы

- Бибихин, 2005 – Бибихин В.В. Смена аспекта. М.: Изд-во ИФТИ св. Фомы, 2005. 576 с.
- Бредсдорф, 1971 – Бредсдорф Э.Л. «Корсар» в издании М.А. Гольдшмидта (1840–46) (с подробным разбором конфликта между С. Киркегором и «Корсаром») / Пер. с датск. В. Похлебкина // Бредсдорф Э.Л. Литература и общество в Скандинавии. М.: Прогресс, 1971. С. 23–150.
- Витгенштейн, 1999 – Витгенштейн Л. Лекции о религии / Пер. с англ. В. Руднева // Витгенштейн Л. Лекции и беседы об эстетике, психологии и религии. Т. 3. М.: Дом интеллектуал. кн., 1999. С. 45–72.
- Лунгина, 2011 – Лунгина Д.А. Керкегор и Больцано. Две возможности для священника середины XIX в. // Точки–Puncta. 2011. № 1–2. С. 160–167.
- Лунгина, 2016 – Лунгина Д.А. Сёрен Керкегор и история христианства в XIX веке. М.: Воробьев А.В., 2016. 128 с.

- Лунгина, 2017 – Лунгина Д.А. К вопросу о гегельянстве Кьеркегора. Концепция Джона Стюарта // *Вопр. философии*. 2017. № 3. С. 140–146.
- Роде, 1998 – Роде П.П. Серен Кьеркегор, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни / Пер. с нем. Н. Болдырева. Челябинск: Урал ЛТД, 1998. 428 с.
- Стюарт, 2017 – Стюарт Дж. Как Кьеркегор читал оригинальные произведения Гегеля (Ч. I) / Пер. с датск. и англ. Д. Лунгиной // *Вопр. философии*. 2017. № 3. С. 147–164.
- Drury, 1981 – *Drury M.O'C.* Some notes on conversations with Wittgenstein // *Ludwig Wittgenstein: Personal Recollections* / Ed. by Rush Rhees. Totowa, NJ: Rowman and Littlefield, 1981. P. 81–175.
- Evans, 2004 – *Evans C.S.* Kierkegaard's Ethic of Love: Divine Commands and Moral Obligations. Oxford: Oxford University Press, 2004. 366 p.
- Fabro, 1978 – *Fabro C.* La critica di Kierkegaard alia dialettica hegeliana nel «Libro su Adler» // *Giornale critico della filosofia italiana*. 1978. Series 4. no. 9. P. 1–32.
- Geismar, 1926–1928 – *Geismar E.* Søren Kierkegaard. Hans Livsudvikling og Forfattervirksomhed. Bd. 1–6. København: G.E.C. Gad, 1926–1928.
- Jensen, 1898 – *Jensen C.* Søren Kierkegaards religiøse Udvikling. Aarhus: Jydsk forlagsforretning, 1898. 299 S.
- Koch, 1990 – *Koch C.H.* En flue på Hegels udødelige næse eller om Adolph Peter Adler og om Søren Kierkegaards forhold til ham (Diss. København. Univ., 1990). København: C.A. Reitzel, 1990. 240 S.
- Koch, 2004 – *Koch C.H.* Den danske idealisme 1800–1880. København: Gyldendal, 2004. 596 S.
- Koch, 2009 – *Koch C.H.* Adolf Peter Adler: A Stumbling-Block and an Inspiration for Kierkegaard // *Kierkegaard and his Danish Contemporaries* / Ed. by J. Stewart. T. II: Theology. Burlington, Aldershot: Ashgate, 2009. S. 1–22.
- Malcolm, 1984 – *Malcolm N.* Ludwig Wittgenstein: A Memoir. 2nd ed. N. Y.: Oxford University Press, 1984. 144 p.
- Schrempf, 1927–1928 – *Schrempf C.* Søren Kierkegaard. Eine Biographie. Bd. 1–2. Jena: Diederichs, 1927–1928.
- Stewart, 2009 – *Stewart J.* Kierkegaard's Relations to Hegel Reconsidered. N. Y.; Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 689 p.
- Thust, 1925 – *Thust M.* Das Marionettentheater Søren Kierkegaards // *Zeitwende*. 1925. Bd. 1. S. 18–38.
- Quinn, 1996 – *Quinn Ph.* The Divine Command Ethics in Kierkegaard's *Works of Love* // *Faith, Freedom and Rationality. Philosophy of Religion Today* / Ed. by J. Jordan and D. Howard-Snyder. Lanham: Rowman and Littlefield, 1996. P. 29–47.

Список первоисточников

- EP – Af S. Kierkegaards Efterladte Papirer. Bd. 1–9 / Udg. af H.P. Barfod og H. Gottsched. København: C.A. Reitzel, 1868–1881.
- Pap. – Søren Kierkegaards Papirer. Bd. 1–11 / Ugd. P.A. Heiberg, V. Kuhr og E. Torsting. København: Gyldendalske Boghandel, Nordisk Forlag, 1909–1948.
- SKS – Søren Kierkegaards Skrifter. Bd. 1–, udgivet af Søren Kierkegaard Forskningscenteret / Red. N.J. Cappelørn et al. København: Gads Forlag, 1997–.
- ASKB, 2015 – *Schreiber G., Stewart J., Nun K.* (eds.). The Auction Catalogue of Kierkegaard's Library. Aldershot, Burlington. Ashgate, 2015. 200 p.
- Kirmmse, 1996 – *Kirmmse B.H., Laursen V.R.* (eds. and trans.). Encounters with Kierkegaard: A Life as Seen by His Contemporaries. Princeton: Princeton University Press, 1996. 378 p.
- Adler, 1840 – *Adler A.P.* Den isolerede Subjectivitet i dens vigtigste Skikkelser. Kjøbenhavn: Berlingske, 1840. Н.д.
- Adler, 1842 – *Adler A.P.* Populaire Foredrag over Hegels objective Logik. Kjøbenhavn: C.A. Reitzel, 1842 (ASKB 383). 174 S.
- Adler, 1843 a – *Adler A.P.* Nogle Prædikener. Kjøbenhavn: C.A. Reitzel, 1843 (ASKB U 9). Н.д.
- Adler, 1843 b – *Adler A.P.* Studier. Kjøbenhavn: C.A. Reitzel, 1843. 196 S.
- Adler, 1845 – *Adler A.P.* Skrivelser min Suspension og Entledigelse vedkommende. Kjøbenhavn: C.A. Reitzel, 1845 (ASKB U 10). 24 S.
- Adler, 1846 a – *Adler A.P.* Nogle Digte. Kjøbenhavn: C.A. Reitzel, 1846 (ASKB 1502). 68 S.

Adler, 1846 b – *Adler A.P. Studier og Exempler*. Kjøbenhavn: C.A. Reitzel, 1846 (ASKB U 11). 573 S.

Adler, 1846 c – *Adler A.P. Theologiske Studier*. Kjøbenhavn: C.A. Reitzel, 1846 (ASKB U 12). Н.д.

Adler, 1846 d – *Adler A.P. Forsøg til en kort systematisk Fremstilling af Christendommen i dens Logik*. Kjøbenhavn: C.A. Reitzel, 1846 (ASKB U 13). Н.д.

Kierkegaard, 1966 – *Kierkegaard S. On Authority and Revelation (The Book on Adler, or A Cycle of Ethical-Religious Essays)* / Trans. by Walter Lowrie. N. Y.: Harper & Row, 1966. 205 p.

Kierkegaard, 1976 – *Kierkegaard S. Dell' autorità e della rivelazione («Libro su Adler»)* / Intr., trad. e note C. Fabro. Padova: Gregoriana, 1976. 460 p.

Кьеркегор, 2005 – *Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам»* / Пер. с датск. С.А. Исаева, Н.В. Исаевой. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. 680 с.

Керкегор, 2009 – *Керкегор С. Философские крохи* / Пер. с датск. Д.А. Лунгиной; под ред. В.Л. Махлина. М.: Изд-во ИФТИ св. Фомы, 2009. 174 с.

Кьеркегор, 2010 а – *Кьеркегор С. Понятие страха* / Пер. с датск. С.А. Исаева, Н.В. Исаевой // *Кьеркегор С. Страх и трепет*. М.: Культурная революция, 2010. С. 123–287.

Кьеркегор, 2010 б – *Кьеркегор С. Страх и трепет* / Пер. с датск. С.А. Исаева, Н.В. Исаевой // *Кьеркегор С. Страх и трепет*. М.: Культурная революция, 2010. С. 5–286.

The Adolph Peter Adler Case and the Limits of Religious Communication in Kierkegaard

Darya Loungina

PhD in Philosophy, associate professor. Lomonosov Moscow State University. 27/4, Lomonosovsky prospect, Moscow, 119234, Russian Federation; email: loungina@yandex.ru

The events which took place between 1842 and 1846 with of Adolph Peter Adler gave rise to further elaboration of Kierkegaard's theory of communication. This was the subject of unpublished "Book on Adler" and the article "On the Difference Between the Genius and the Apostle" (1849), which accumulated the message of the book. Kierkegaard not only reviewed the difference between direct and indirect communication which he applied before 1846. The case of Adler set Kierkegaard thinking otherwise, in the direction of the principle difference between speaking with and without authority. Has religious speech a special status in view of transcendent status Christianity? What is the subject of religious communication in that case and its difference from aesthetic, philosophical and scientific ones? After 1846 Kierkegaard introduced the new communicator into his religious writings. This "marionette" served the purpose to show how to share the inward, to disclose the secret of Revelation to people. Thus the difference between the genius and the apostle became important for the late Kierkegaard.

Keywords: limits of speech, religious communication, authority and without authority, inwardness, subjectivity, the Revelation, Christianity in the 19th century

References

Adler A.P. *Den isolerede Subjectivitet i dens vigtigste Skikkelser*. Kjøbenhavn: Berlingske, 1840.

Adler A.P. *Populaire Foredrag over Hegels objective Logik*. Kjøbenhavn: C.A. Reitzel, 1842 (ASKB 383). 174 S.

Adler A.P. *Nogle Prædikener*. Kjøbenhavn: C. A. Reitzel, 1843 (ASKB U 9).

Adler A.P. *Studier*. Kjøbenhavn: C. A. Reitzel, 1843. 196 S.

Adler A.P. *Skrivelser min Suspension og Entledigelse vedkommende*. Kjøbenhavn: C.A. Reitzel, 1845 (ASKB U 10). 24 S.

Adler A.P. *Nogle Digte*. Kjøbenhavn: C.A. Reitzel, 1846 (ASKB 1502). 68 S.

Adler A.P. *Studier og Exempler*. Kjøbenhavn: C.A. Reitzel, 1846 (ASKB U 11). 573 S.

Adler A.P. *Theologiske Studier*. Kjøbenhavn: C.A. Reitzel, 1846 (ASKB U 12).

Adler A.P. *Forsog til en kort systematisk Fremstilling af Christendommen i dens Logik*. Kjøbenhavn: C.A. Reitzel, 1846 (ASKB U 13).

Drury M. O'C. Some notes on conversations with Wittgenstein, *Ludwig Wittgenstein: Personal Recollections*, ed. by Rush Rhees. Totowa, New Jersey: Rowman and Littlefield, 1981, pp. 81–175.

Evans C.S. *Kierkegaard's Ethic of Love: Divine Commands and Moral Obligations*. Oxford: Oxford University Press, 2004. 366 p.

Fabro C. La critica di Kierkegaard alia dialettica hegeliana nel «Libro su Adler», *Giornale critico della filosofia italiana*, 1978, series 4, no. 9, pp. 1–32.

Geismar E. *Søren Kierkegaard. Hans Livsudvikling og Forfattervirksomhed*, Bd. 1–6. København: G.E.C. Gad, 1926–1928.

Jensen C. *Søren Kierkegaards religiøse Udvikling*. Aarhus: Jydsk forlags-forretning, 1898. 299 S.

Kierkegaard S. *On Authority and Revelation (The Book on Adler, or A Cycle of Ethical-Religious Essays)*, trans. by Walter Lowrie. New York: Harper & Row, 1966. 205 p.

Kierkegaard S. *Dell' autorità e della rivelazione* («Libro su Adler»), intr., trad. e note C. Fabro. Padova: Gregoriana, 1976. 460 p.

Kierkegaard S. *Zaključitelnoye nenauchnoye poslesloviye k filosofskim kroham* [Concluding Unscientific Postscript to Philosophical Fragments], trans. by S. Isaev and N. Isaeva. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Petersburgskogo Universiteta Publ., 2005. 680 p. (In Russian)

Kierkegaard S. *Filosofskije Krohi* [Philosophical Fragments], trans. by D. Loungina, ed. by V. Makhlin, Moscow: Izdatel'stvo Instituta Filosofii, Teologii i Istorii sv. Fomy Publ., 2009. 174 p. (In Russian)

Kierkegaard S. *Ponyatiye straha* [The Concept of Anxiety], trans. by S. Isaev and N. Isaeva. Moscow: Kulturnaya Revolutsia Publ., 2010, pp. 123–287. (In Russian)

Kierkegaard S. *Strah i trepet* [Fear and Trembling], trans. by S. Isaev and N. Isaeva. Moscow: Kulturnaya Revolutsia Publ., 2010, pp. 5–286. (In Russian)

Koch C.H. *En flue på Hegels udødelige næse eller om Adolph Peter Adler og om Søren Kierkegaards forhold til ham* (Diss. København. Univ., 1990). København: C.A. Reitzel, 1990. 240 S.

Koch C.H. *Den danske idealisme 1800–1880*. København: Gyldendal, 2004. 596 S.

Koch C.H. Adolf Peter Adler: A Stumbling-Block and an Inspiration for Kierkegaard, *Kierkegaard and his Danish Contemporaries*, ed. by Jon Stewart. Tome II: Theology, Burlington, Aldershot: Ashgate, 2009, pp. 1–22.

Loungina D. Kerkegor i Bolzano. Dve vozmozhnosti dlya svyashchennika serediny XIX veka [Kierkegaard and Bolzano: Two Possibilities for a Priest of the 19th Century], *Точки* [Puncta], 2011, no. 1–2, pp. 160–167. (In Russian)

Loungina D. *Seren Kerkegor i istoria khristianstva v XIX veke* [Søren Kierkegaard and History of Christianity in the 19th century]. Moscow: izdatel' A. Vorobiev Publ. 2016. 128 p. (In Russian)

Loungina D. K voprosu o gegelianstve Kerkegora [Returning to the Subject of Kierkegaard's Relation to Hegel (Introduction to Jon Stewart's article «Hegel: Kierkegaard Reading and Use of Hegel's Primary Texts»)], *Voprosy Filosofii*, 2017, no. 3, pp. 140–146. (In Russian)

Malcolm N. *Ludwig Wittgenstein: A Memoir*. 2nd ed., New York: Oxford University Press, 1984. 144 p.

Quinn Ph. The Divine Command Ethics in Kierkegaard's *Works of Love, Faith, Freedom and Rationality*. *Philosophy of Religion Today*, ed. by Jeff Jordan and Daniel Howard-Snyder. Lanham: Rowman and Littlefield, 1996, pp. 29–47.

Schrempf C. *Sören Kierkegaard. Eine Biographie*, Bd. 1–2. Jena: Diederichs, 1927–1928.

Stewart J. *Kierkegaard's Relations to Hegel Reconsidered*. New York and Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 689 p.

Stewart J. Kak Kerkegor chital originalnyie proizvedeniya Gegel'a (Part I) [Hegel: Kierkegaard Reading and Use of Hegel's Primary Texts (Part I)], trans. by D. Loungina, *Voprosy Filosofii*, 2017, no. 3, pp. 147–164. (In Russian)

Thust M. Das Marionettentheater Sören Kierkegaards, *Zeitwende*, 1925, Bd. 1, SS. 18–38.

Wittgenstein L. Lektsii o religii [Lectures on Religion], trans. by V. Rudnev. In: L. Wittgenstein. *Lektsii i besedy ob estetike, psikhologii i religii* [Lectures and Conversations on Aesthetics, Psychology and Religion], vol. 3. Moscow: Dom intellektualnoi knigi Publ., 1999, pp. 45–72. (In Russian)